

Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134.
Pacific Rim: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 109–134.

Научная статья

УДК 352/354:004

<https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/109-134>

«ЦИФРОВОЙ ТРАНЗИТ» ПУБЛИЧНО-ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ: ОБЩИЕ И ЭЛИТАРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

**Александр Павлович Кочетков¹, Алексей Юрьевич Мамычев²,
Андрей Юрьевич Мордовцев³**

^{1, 2} Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский проспект, 24к7

³ Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

¹ arkoch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-0526>

² mamychev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-7967>

³ aum.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4755-9947>

Аннотация. В предлагаемой научной статье рассматриваются и содержательно анализируются процессы цифровой трансформации публично-властных отношений. При этом данные процессы анализируются в качестве многоуровневой модели, включающей: инструментальное и институционально-нормативное, уровень цифровых кодов и алгоритмических решений, выступающих основополагающим каркасом, на котором осуществляется машинное обучение, реализуется внедрение цифровых технологий в общественно-политическую жизнедеятельность. В рамках последних выделяются и исследуются основные траектории развития политического процесса и публично-властных отношений, а также ключевые модели и акторы. Кроме того, в работе анализируется ключевой тренд трансформации общественно-политической организации и властных отношений – формирование цифровых властных элит. Авторы доказывают, что с наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований.

Ключевые слова: государство, власть, виртуальная коммуникация, модели ориентированного машинного обучения, политический процесс, политическая система, ценностно-нормативная система, цифровая элита, цифровизация, роботизация.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21–011–31175 «Цифровизация властной коммуникации и политических отношений в современной России: основные траектории, акторы и модели».

Для цитирования: Кочетков А. П., Мамычев А. Ю., Мордовцев А. Ю. «Цифровой транзит» публично-властных отношений: общие и элитарные характеристики // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. Т. 24, № 1. С. 109–134. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/109-134>.

Original article

"DIGITAL TRANSIT" OF PUBLIC-POWER RELATIONS: GENERAL AND ELITE CHARACTERISTICS

**Alexander Pavlovich Kochetkov¹, Alexey Yurievich Mamyche²,
Andrey Yurievich Mordovtsev³**

^{1,2} Lomonosov Moscow State University, 119991, Russia, Moscow,
Lomonosovskiy Prospekt, 24k7

³ Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov Branch of the Russian State University of Justice, 344038, Russia, Rostov-on-Don, Lenin. Ave., 66

¹ apkoch@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4609-0526>

² mamychev@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1325-7967>

³ aum.07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4755-9947>

Abstract. The proposed scientific article examines and meaningfully analyzes the processes of digital transformation of public-power relations. At the same time, these processes are analyzed as a multi-level model, including: the instrumental and institutional-normative, the level of digital codes and algorithmic solutions, acting as the fundamental framework on which machine learning is carried out, the introduction of digital technologies into socio-political life. Within the framework of the latter, the main trajectories of the development of the political process and public-power relations, as well as the key models and actors are identified and investigated. In addition, the paper analyzes the key trend of transformation of socio-political organization and power relations – the formation of digital power elites. The authors prove that with the advent of the digital age, there was a request for a change of the ruling elite, which would meet the requirements of the new times and become a driver of digital transformations.

Keywords: state, government, virtual communication, models of oriented machine learning, political process, political system, value-normative system, digital elite, digitalization, robotization.

Financial Support. The research was carried out with the financial support of the RFBR and EISI within the framework of the scientific project No. 21-011-31175 "Digitalization of power communication and political relations in modern Russia: main trajectories, actors and models".

For citation: Kochetkov A. P., Mamychyev A. Yu., Mordovtsev A. Yu. "Digital transit" of public-power relations: general and elite characteristics // Pacific RIM: Economics, Politics, Law. 2022. Vol. 24, no. 1. P. 109–134. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2022-1/109-134>.

«О дивный новый мир»: вместо введения

Проблематика цифровизации в настоящее время является приоритетной как в качестве основного тренда развития современной общественно-политической организации и её инновационно-технологического «обновления», так и в качестве модного и популярного большого нарратива массового и профессионального социально-политического сознания. И в первом, и во втором случаях ежедневно производится целое многообразие мифов, научных метафор, образов и фантастических сюжетов. Авторитет в этой сфере и главный идеолог цифровой трансформации общества, политики и экономики Клаус Шваб открыто заявляет, что мы вошли безвозвратно в принципиально новую эпоху общественно-политического и социально-экономического развития, которая радикально изменит всё [1]. Действительно, «мир преобразуется на наших глазах. Новые технологии меняют жизнь, убеждения и ценности» [2, с. 10]. Запущенные процессы (сам К. Шваб их называет «*принудительной промышленной революцией*») [2, с. 13–14] ведут к совершенно новой форме человеческой организации. Следуя этой мысли, можно сказать, что цифровизация запустила процессы, схожие с «неолитической революцией», которая привела к смене форм социальной и экономической организации (переход от кочевого образа жизни к оседлому, от присевающей экономики к производящей, к появлению первых политических сообществ и т. д. [3]). Сегодня мы переживаем нечто схожее, и, как нас убеждает Дж. Урри, это будущее уже здесь, хоть и распределено оно неравномерно в разных сферах жизнедеятельности общества [4].

Но меняются не только формы организации и модели взаимодействия, меняется сам человек, или более корректно – трансформируется классический «человеческий стандарт узнаваемости», поскольку, как нас убеждают современные учения «пост» и «транс» (постгуманизм, постмодернизм, тансгуманизми т. д. [5]), человек – это всего лишь конкретно-историческая «нормативная конвенция» или временной

«обобщённый стандарт» [6, с. 53]. Сегодня обсуждаемые изменения формируют новый временной стандарт и новую ценностно-нормативную конвенцию общественно-политической организации, в которой «сливается человеческое сознание с электронной сетью», и мы с полным правом можем заявить, что таким новым стандартом выступают «киборги». Именно они «являются господствующей социокультурной формой, целиком включенной в социальное производство, что влечёт массу экономических и политических следствий. Витрувианский человек стал кибернетическим» [6, с. 174].

Работа посвящена содержательному анализу данных процессов цифровизации и синтезу радикальных изменений, а именно выделению ключевых (доминирующих) траекторий развития политического процесса и публично-властных отношений в эпоху *цифрового транзита общественно-политической организации общества*.

Кроме того, ещё одной исследовательской задачей настоящей научной статьи является комплексное, многофакторное и междисциплинарное рассмотрение процессов (множественное число ориентирует как раз на многофакторность и многоуровневость феномена цифровизации) цифрового транзита публично-властных отношений и более широкого явления – цифровизации общественно-политической организации.

I. Оптика «цифрового транзита»: идейно-концептуальные и теоретико-методологические рамки исследования

Вначале следует сделать одно небольшое теоретическое пояснение: использование формулировки «цифровой транзит» вместе с понятием «цифровизация» – неслучайно, поскольку это делается для противопоставления процессов изменений и разворачивающихся новых явлений. Так, если обратиться к научно-исследовательской и научно-популярной литературе, различным аналитическим отчётам, а также доктринально-программным актам, разнообразным международным и внутринациональным правовым документам, то можно резюмировать, что в подавляющем своём большинстве концепт «цифровизация» содержательно поясняется как процесс перехода от одного качественного состояния общественно-политической организации к принципиально иному, который разворачивается в довольно длительной временной перспективе, в ходе которой происходит сочетание, а затем смешиваются и конвертируются старые и новые формы, способы и технологии. При этом в институциональной организации возникают эффекты «параллельного действия», т. е. действия новых и старых институциональных оснований общественной системы, а также эффекты институциональных искажений, т. е. под воздействием новых условий развития традиционные институты либо перестают адекватно реализовывать свои функции, либо трансформируются их структурно-

функциональные характеристики. В этом дискурсе феномен «цифровизации» интерпретируется в качестве новой теории транзитивности, т. е. в аспекте относительно нового теоретико-аналитического инструментария, позволяющего описать переходный характер современной общественно-политической организации, временность и специфичность данного процесса, ведущего к совершенно новому качественному состоянию общества, политики, права, экономики, культуры (*digital society, digital politics, digital law, digital economy, digital culture*).

Такая трактовка, с нашей точки зрения, весьма сужает феномен цифровизации. Поэтому «цифровой транзит» и «цифровизация» в рамках настоящей статьи аналитически разводятся. Конечно, это различие достаточно условно, но важно в теоретико-методологическом плане для нашего исследования, поскольку феномен «цифровизации» рассматривается ниже и как процесс, и как явление современной общественно-политической действительности.

Итак, интенсивное развитие цифровых технологий и, прежде всего, инновационных средств публично-властной виртуальной коммуникации существенно расширило и усложнило общественно-политическое пространство. Уже отчётливо можно проследить количественные и качественные изменения в системе и иерархии властных отношений:

- *во-первых*, появляются инновационные формы и новые модели властного взаимодействия в системе личность – общество – государство (цифровое правительство, виртуальные чиновники, государственные сервисные платформы и т. д.);

- *во-вторых*, возникают принципиально новые акторы (онлайн сообщества, гибридные политические субъективности – виртуальные аватары, цифровые копии, виртуальные агенты и проч.) и актанты (автоматизированные цифровые алгоритмы, системы искусственного интеллекта, самообучающиеся нейронные сети, алгоритмические экспертные системы и т. п.);

- *в-третьих*, кардинально меняются структура и характер политического процесса, а также формы социально-политической мобилизации и идентификации, возникают новые формы политического управления, техники «мягкого» цифрового давления и таргетированного манипулирования;

- *в-четвёртых*, трансформируется ценностно-нормативная иерархия общества, а потребности цифровых систем и требования их развития становятся важнейшими элементами современной повестки дня и стратегических доктрин общественного развития и т. д.

Однако и сам процесс цифровизации многогранен, интенсивность его проявления в разных сферах общественно-политической жизнедеятельности неоднородна. В целом сам феномен цифровизации имеет многоуровневый и неоднозначный характер, тем не менее от того, как мы понимаем данный процесс, как мы его со-держательно интерпретируем, во многом зависит моделирование трансформации

общественно-политической организации, а также прогнозирование изменений в структуре и характере властных отношений в обществе.

В этом аспекте мы исходим из того, что любые формы и сценарии «предвосхищения будущего оказывают *большое влияние на природу любого общества*, особенно в вопросах структуры и течения властных отношений», поскольку ключевой ресурс власти, особенно в современную эпоху, это «способность определять, как именно будет выглядеть будущее, выбирая из множества возможных вариантов» [4, с. 33].

Цифровые технологии открывают и целое ранее «не видимое» (не учитываемое в силу отсутствия необходимых цифровых инструментов, мощностей и программных комплексов) пространство эмпирических данных, которые пользователи виртуального (цифрового) пространства порождают ежесекундно в огромном количестве. Поэтому с интенсивным «развитием сетевых коммуникаций политологи получили в своё распоряжение огромный объём качественно новых эмпирических данных об индивидуальном поведении людей. Принципиальным преимуществом таких данных является то, что они возникают в ходе естественного поведения (в отличие от опросных или экспертных техник)» [7, с. 15].

Само понятие данных и инструменты их сбора и обработки существенно расширились – фотографии, поисковые запросы, клики сетевых страниц, время просмотра контента, биометрические данные и т. д. становятся важнейшими эмпирическим материалом для формирования агентно и объектно-ориентированных моделей и прогнозов [8; 9]. Всё это ведет к эпохе системных и качественных изменений в прогнозировании, моделировании и реконструкции ключевых трендов развёртывания разнообразных процессов и практик [10; 11].

Важно понимать, что «цифрование – не только процесс шифровки содержания, но и обозначение ранга, степени, уровня, т. е. иерархии структуры. И если исчисление предполагает выявление реальных отношений и сущностей, скрытых в природе, и только затем установление их числового аналога, то цифрование уверенно идёт по пути наложения собственного количественного порядка на качественную реальность существующих отношений и связей» [12, с. 5]. Следовательно, сам процесс цифровизации кардинально изменяет структуру властных отношений, характер и арсенал форм и способов реализации властно-управленческой деятельности.

Возникают новые режимы осуществления власти, например, такие, как «проекционный режим», позволяющий транслировать властное господство и принуждение на достаточно большие расстояния, вне суверенной юрисдикции государства или конкретного властного института [13]; или режимы «политической виртуализации», «аватаризации», «гибридизации» (социально-технологические ресурсы современной власти), «интерфейсизации» и др. [14; 15].

Тотальный характер цифровизации очевидным образом ведёт и к фундаментальным изменениям во властных отношениях и в целом в общественно-политической организации¹. Конечно, тотальность цифровых технологий не во всех сферах сегодня ощущается одинаково. В каких-то сферах мы наблюдаем полную перестройку всей социальной мыслидеятельности под «цифровой лад», в других это воздействие ещё мало ощутимо, но «сквозной» и «текучий» характер данных технологий позволяет говорить о мобильном переносе цифровых форм и сервисов из одной сферы в другую.

Следует также обратить внимание на постепенное «переустройство» публичного дискурса, особенно в лингвистических и смысловых формах легитимации тех или иных властно-управленческих решений. Так, если раньше конкретная инновация, например, в избирательных технологиях, легитимировалась через апелляцию к идейно-концептуальным основаниям демократического режима, т. е. как адекватное институциональное воплощение демократической идеи, то в современной политической риторике достаточно часто то или иное решение обосновывается удобством пользователей, интерактивностью, продвинутостью и другим арсеналом из социально-технического словаря. Например, «электронное голосование – это удобный и адекватный времени цифровой сервис» или «электронное голосование на выборах – такая же удобная модель коммуникации современного человека, как и использование других дистанционных услуг и сервисов» [21].

Теоретической основой исследования также является сочетание междисциплинарного подхода к анализу политического процесса и акторно-сетевой теории. Политико-правовой подход необходим для нормативного и ценностного анализа существующих формальных публично-властных институтов. Его использование позволит исследовать актуальное законодательство стран, использующих цифровые формы во властно-управленческой деятельности, а также выявить общемировые тенденции. Акторно-сетевая теория открывает возможности для выявления влияния технологических изменений на направленность и характер развития политических отношений [22; 23]. В частности, речь идёт об усилении тенденций «цифрового неравенства», отсутствия возможности использовать цифровые технологии в равной степени людьми с ограниченными возможностями здоровья и т. д., или кардинальное изменение режимов при применении традиционных культурных форм и цифровых технологий.

¹ Заметим здесь, что понятие «тотальный» (всепроникающий, всеохватывающий, всеобъемлющий) используется не случайно, а призвано *акцентировать внимание* на направленности наиболее полного и всеохватного внедрения цифровых технологий в публично-властное взаимодействие, а также на всепроницающем или сквозном характере данных технологий, перестраивающих практически все общественные взаимодействия в духовной [16], политической [17], правовой [18], экономической [19], культурной [20] и другой жизнедеятельности общества.

Авторы опираются также на инструментально-политический реализм, что предполагает познание факторов и доминант, влияющих на развитие общества в цифровую эпоху, специфических форм и способов социально-политической коммуникации, что необходимо не только для формирования доктринальных основ опережающего политического моделирования, но и для управления реально существующими социально-технологическими явлениями и процессами. Значимым для настоящего исследования является и методологический принцип, согласно которому люди, вещи, машины, цифровые технологии совместно формируют особые, специфические отношения, в рамках которых складывается, опредмечивается и определяется каждое из них [24].

II. Цифровизация общества и цифровой транзит общественно-политической организации: уровни и направления

В настоящее время ключевым драйвером развития общественно-политической, социально-экономической и духовно-культурной жизнедеятельности современных обществ выступает цифровизация. Цифровизация является весьма сложным и многоуровневым феноменом современной эпохи, затрагивает практически все сферы институциональной организации и виды социальных практик, трансформирует публичную и частную жизнедеятельность человека, существенно влияя на изменения в мировоззренческих и ценностно-нормативных основаниях общественных систем. В этом комплексном ракурсе цифровизация предстаёт в качестве и целой серии процессов, которые разворачиваются в современной общественно-политической действительности [25], и траекторий развития цифровой трансформации общества [26]. Разнообразие этих процессов и траекторий не только раскрывает комплексный характер воздействия цифровизации на современные общественные системы, но и позволяет представить данный феномен в его антонимичном единстве, а также аналитически смоделировать траектории развития и трансформации общественно-политической организации современных обществ. Выделим наиболее значимые для настоящего исследования процессы.

Ключевые направления цифровой трансформации общественно-политической организации и публично-властных отношений.

1. Сегодня цифровизация рассматривается преимущественно в **инструментальном** аспекте в качестве процесса смены аналоговых технологий на сквозные цифровые инструменты. Процесс вполне «традиционный» для промышленных революций, предполагающий вытеснение новыми технологиями «старых» инструментов, используемых в общественно-политической или социально-экономической жизнедеятельности. Каждая промышленная революция создаёт всё более совершенные и эффективные инструменты производства, коммуникации, сбора и обработки данных, расширяет сенсорные, телесные, умственные и другие способности

и навыки человека. И современный этап не особо отличается по своей направленности от предшествующих, поскольку сориентирован на техническое преобразование человеческих инструментов, где человек «совершенствует свои органы – как моторные, так и сенсорные – или расширяет рамки их деятельности» [27]. Это новый виток изменения человека «не столько биологически, сколько технически» [28, с. 46], совершенствования технологий, улучшающих или функционально замещающих последнего.

2. Другой ракурс описания процессов цифровизации содержательно представлен в контексте *институционально-нормативных* изменений в обществе. Здесь, с одной стороны, происходит формирование, развитие и становление нового институционального каркаса общественно-политического порядка, адекватного уровню развития современных сквозных цифровых технологий и перспективам их дальнейшего совершенствования, с другой – изменения нормативных оснований общественно-политического порядка (правовые, моральные, этические, технические и другие нормы и стандарты), инициированные возникновением новых форм и видов отношений, технологий и сетей коммуникаций, способов властно-управленческого воздействия и т. д.

В первом случае речь идёт как о развитии уже действующих политических доктрин, «обновлённых» с учётом цифровой трансформации публично-властной организации общества, так и оформлении новых идейно-концептуальных и программных оснований политико-правовой и социально-экономической эволюции общественных систем в цифровую эпоху. В качестве примера можно привести ряд наиболее известных политических доктрин: сервисная парадигма, доктрина платформенных решений, цифровой этатизм.

Сервисная парадигма предполагает интенсивное развитие сервисной модели оказания публичных и частных (реализуемые в рамках аутсорсинга, где цифровые форматы всё больше стирают границы различия публичных и частных интеракций) услуг, тотальное внедрение электронных форм публично-властной коммуникации (например, в избирательном процессе, в обращениях граждан, общественном контроле процессов принятия и реализации управленческих решений, презентации и легитимации результатов властно-управленческой деятельности и т. д.).

Сервисная доктрина государственно-правовой организации ориентирована на создание эффективных цифровых платформенных решений с преобладанием интерактивных систем и виртуальных технологий во властно-управленческой деятельности (e-democracy, e-government, e-public services и т. п.). Ключевая траектория развития – это индивидуализация цифровых сервисов, формирование индивидуальных цифровых профилей, субъективно ориентированных электронных услуг, онлайн консультирования и проч. В рамках практики организации и функционирования публично-властных институций также реализуются цифровые формы интер-

активного и транспарентного (прозрачного, открытого) функционирования последних (e-public network, e-public administration и т. п.).

Доктрина платформенных решений, которая воплощается в двух противоположных направлениях, с одной стороны – это так называемый «цифровой корпоративизм», ориентированный на цифровую глобализацию и единую сетевую киберреальность, а с другой – «цифровой этатизм», отстаивающий цифровую суверенность и национально-культурные траектории развития киберсистем.

В первом случае мы видим, что сегодня цифровые платформы становятся новым «институциональным каркасом», который интегрирует различные среды общественно-го взаимодействия (экономическая, политическая, правовая, культурная, духовная и т. д.). Здесь платформенные решения, связанные со сбором, обработкой и использованием данных, выступают ключевыми драйверами социально-экономического и общественно-политического развития¹, а также ключевой технологией структурирования взаимодействий между различными акторами (реальными или виртуальными).

В отличие от сервисной парадигмы цифровизации общественной системы, платформенные решения – это не просто удобная и мобильная площадка для разнообразных интеракций, но, главным образом, искусственная глобальная среда (виртуальная экосистема) со своей ценностно-нормативной системой, символикой, цифровой идентификацией, которая постепенно вытесняет социально-культурную идентификацию личности. Справедливо по этому поводу замечает Нил Срничек, что современные платформенные решения «предлагают вроде бы свободное, пустое пространство для взаимодействия других людей, на самом деле платформы продвигают определённую политику. Правила разработки продукта или услуги, правила взаимодействия на данной площадке – всё это устанавливается собственником платформы» [29, с. 45].

В этом плане каждая из глобальных платформ, представляемая сегодня несколькими ведущими IT-корпорациями (Amazon, Google, Apple, Facebook и др.), предлагает и собственный проект будущего развития человечества или, как мы его обозначаем, – «проектируемое будущее» [24]. Последнее выступает в качестве аттрактора (от лат. стягивать, притягивать), служащего не конкретной причиной, вследствие которой наступают те или иные изменения, а некоторой динамичной областью (цифровая платформенная экосистема), стягивающей различные траектории цифрового развития (экономическая, политическая, правовая, транспортная, энергетическая и т. д.), моделирующей определённый «цифровой образ будущего» и конструирующей адекватную этому будущему символическую, ценностно-

¹ Для этого достаточно открыть официальные рейтинги наиболее влиятельных организаций современности, рейтинги капитализации и квартальные отчеты фондовых рынков или статистику финансовых трат на лоббистскую деятельность (с недавнего времени именно IT становятся основными субъектами не только экономической, но и политической и правовой деятельности).

нормативную, институциональную основу [24]. Последнее формирует также специфическую оценочную матрицу разворачивающихся в обществе тех или иных событий и процессов, которая опредмечивается во внутренней политике, правилах, требованиях, стандартах той или иной цифровой экосистемы, а также поддерживается различными алгоритмическими решениями и системами спроектированного искусственного интеллекта¹.

Цифровой этатизм, напротив, обосновывает, что процессы цифровизации разворачиваются в рамках определённой национально-культурной среды, а сложные алгоритмические системы, проектируемые в обществе, должны служить целям данной среды, обеспечивать её безопасность и целостность. В данном случае происходит развитие национальных цифровых платформ, использующих информационные сети для мониторинга, предотвращения и противодействия различным рискам, вызовам, угрозам.

В отличие от глобального проекта цифровизации, здесь обосновывается, что формируемые национальные сети должны контролироваться и регулироваться в рамках суверенной юрисдикции конкретного государства, поскольку последнее обеспечивает, с одной стороны, защищённость данных граждан и организаций от их свободного использования, с другой – защиту национально-культурной специфики общества и адекватность развития сквозных цифровых технологий уникальным траекториям развития тех или иных цивилизационных систем. Например, китайский исследователь Чжао Хунжуй по этому поводу отмечает, что «виртуальные сетевые технологии необходимо охранять, направлять и контролировать, и эта охрана будет служить цели защиты сетевой информации на основе закона с принудительным характером... только суверенная принудительная сила может осуществлять обязательную юрисдикцию, и обычные договорные действия, отличные от суверенитета, не могут устанавливать универсальный порядок» [30, с. 36].

В рамках цифрового этатизма акцентируется внимание на процессах, связанных с обеспечением государственной состоятельности (*stateness*) в контексте цифровых вызовов и угроз. Последнее предполагает не столько внимание к суверенным качествам государственной власти (независимо определить и осуществлять приоритеты и направления внешней и внутренней политики государства), сколько внимание к возможностям и способностям «системного противодействия процессам

¹ Арсенал данных технических решений достаточно широк, представить полное описание последнего в рамках одной статьи невозможно, обратим внимание лишь на самые известные и часто применяемые: алгоритмическое выстраивание определённым образом новостной ленты, поднимая в рейтинге поддерживаемую позицию (например, посредством сгенерированных комментариев, «лайков», сетевых ссылок и проч.), занижение или скрытие освещения событий, противоречащих политике интернет-ресурса; исключение альтернативных версий событий, фактов, свидетельств, комментариев или их размывание фейковыми комментариями; применение ограничения или запрета на доступ к платформе (например, блокировка всех публичных аккаунтов Д. Трампа) и т.д.

проникновения в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества со стороны внешних субъектов геополитического противоборства» [31]. Цифровая безопасность и цифровой суверенитет в этом контексте становятся ключевыми для обеспечения стабильности функционирования разнообразных процессов в обществе (экономических, политических, правовых, культурных и т. д.).

Кроме того, другой аспект связан с трансформацией традиционных доктринальных политико-правовых оснований института государства; прежде всего речь идёт о базовых категориях, описывающих сущность данного института и его отличия от других форм общественной организаций и политических субъектов. Так, сегодня существенно трансформируются такие базовые категории, как «аппарат публичной власти», «территория», «население», «суверенитет», «легитимность», «легальность» и другие. Сквозные цифровые технологии проникают и меняют принципы и режимы реализации публичной власти, изменяют формы и способы публично-властной коммуникации в системе личность – общество – государство, разрушают традиционные и порождают новые форматы общественно-политической идентификации, обеспечения социально-культурной целостности и ценностно-нормативного единства общественной системы и т. д.

В рамках активного и тотального внедрения сквозных цифровых технологий, а также в контексте формирования глобальной цифровой реальности ещё одним важным аспектом в трансформации властно-управленческой деятельности выступает возрастающая роль внеправовой деятельности государства. Появление новых социальных интеракций, форм взаимодействия и способов властной коммуникации существенно расширяет область отношений, не урегулированных правом.

Более того, возникновение нестандартных ситуаций, экстраординарных событий вынуждает властно-управленческую элиту реагировать на вызовы цифровизации или иные угрозы (например, глобальная пандемия) в кратчайшие сроки, мобильно принимая решения и реализуя деятельность, прямо не регламентированную действующими нормативно-правовыми актами. Конечно, последние могут в последующем получить законодательную фиксацию, тем не менее, объём и интенсивность развития внеправовых форм активности публично-властных органов в современной политической реальности инициирует целый спектр рисков и угроз.

Здесь важно подчеркнуть, что последние формы властно-управленческой деятельности не следует трактовать в качестве противоправных, нарушающих действующий правовой порядок в целом, напротив, внеправовые имеют позитивный эффект, поскольку ориентированы на решения кризисной ситуации, в рамках правового пространства, в целях обеспечения его стабильного и устойчивого функционирования. Однако их распространение может в стратегической перспективе вести к негативным эффектам, к развитию теневых и неправовых практик.

В этом плане всё больше специалистов и экспертов обращают внимание на необходимость формирования адекватных, современных цифровым реалиям развития общества правовых форм и режимов, совершенствованию юридической техники и опережающего правового моделирования общественных отношений [32; 33]. Последнее особо значимо в аспекте появления глобального киберпространства и виртуальных форм коммуникации. Поэтому сегодня «реальный вопрос заключается не столько в существовании киберпространства или применении принципа суверенитета к киберпространству, сколько в необходимости изучить конкретные способы реализации законодательных технологий и информационного порядка, обеспечивающих суверенитет в киберпространстве» [30, с. 53].

3. Далее можно выделить достаточно специфическое и вместе с тем базовое измерение процессов цифровизации – **цифровые коды и алгоритмические решения**. Специфичность заключается в особом технологическом и математическом дискурсе данного измерения. Базовым последнее является потому, что коды и алгоритмы выступают основополагающим каркасом, на котором осуществляется машинное обучение, реализуется внедрение цифровых технологий в общественную жизнедеятельность, выстраивается взаимодействие в киберпространстве, кодируются параметры и характер виртуальной коммуникации и т. д. Именно цифровые коды, алгоритмические решения, а также методы обработки данных и формируемые на их основе нейронные сети выступают «строительным материалом» новой цифровой реальности общества. В данном измерении процессы цифровизации общественно-политических институтов можно условно разделить на три основных направления: технологическое, конвергационное и трансгуманистическое.

В первом случае процессы цифровизации трактуются как новый этап *технологической эволюции* общества, который ведёт к принципиально новому социальному укладу и режиму функционирования политических, экономических, правовых и других социальных институтов. В основании этого нового уклада лежит особая технологическая рациональность, «без которой не обходилась ни одна техническая революция, [которая] с необходимостью меняла существовавшие ранее когнитивные и институциональные структуры общества... техника предлагала общественному и индивидуальному сознанию собственную логику и свой язык общения» [12, с. 4].

Здесь данные и модели машинного обучения, а не социально-культурные коды и общественно-политические паттерны становятся доминирующими в развитии общественных систем. Именно они – «основной актив и основная смазка для шестерёнок механизма не только экономических моделей, построенных вокруг вертикалей разных сфер промышленности, но и социоэкономических моделей... Если данные – это нефть, то машинное обучение – это очистительный завод больших наборов данных» [34, с. 232].

Второе, *конвергенционное направление* обосновывает поэтапное формирование новой социотехнологической реальности. Здесь отмечается, что в современном обществе уже наблюдаются процессы конвергенции (смешения, сплавления) социально-культурных, технологических и цифровых форм организации и практик взаимодействия. При этом сквозные цифровые технологии (интернет вещей, модели машинного обучения, виртуальная и дополненная реальность) не «вытесняют» и не «замещают» социокультурные образы, представления, символы, устойчивые формы и практики, а, напротив, переплетаются с ними, в результате и первые, и вторые адаптируются и используют ресурсы друг друга.

В качестве яркого примера последнего может служить китайская система социального рейтинга, которая «сплавляет» как прорывные сквозные цифровые технологии, так и традиционные культурные основания общества. Система социального рейтинга – это достаточно узкое определение и понимание созданного в КНР крупномасштабного проекта развития социалистического устройства общества и организации публично-властных отношений, отвечающих новым вызовам и цифровым трендам развития.

В первом, узком случае, как правило, обсуждаются процессы, связанные со сбором данных, онлайн мониторингом различных форм взаимодействия, индивидуального поведения и т. д. На основании полученных данных определяется рейтинг юридических и физических лиц, уровень доверия к ним, степень благонадёжности и т. д. [35]. Важным здесь является то, что параметры и критерии последнего сформированы на основании традиционной ценностно-нормативной системы китайского общества, прежде всего моральных норм и духовных стандартов конфуцианской этики, а также требований «построения социалистического гармоничного общества».

Более широкое понимание данной системы связано с обеспечением социальной целостности в меняющейся реальности, которая обеспечивается на различных уровнях организации:

1) цифровизация социально-экономических отношений, т. е. внедрение технологических достижений в повседневную жизнедеятельность общества (цифровая идентификация, цифровые платежные системы, цифровые логистические и транспортные системы, перевод бизнес-процессов на цифровые платформы и т. д.);

2) цифровая трансформация политической и правовой системы (системы цифрового мониторинга, интерактивной коммуникации, режима транспарентной или цифровой открытости), развитие инновационных форм публичного управления (цифровое правительство и цифровая администрация) и стратегического планирования (технологии больших данных, распределенных реестров, ориентированных моделей машинного обучения) на основе современных технологий;

3) цифровая организация и управление общественной средой («умный дом», «умные города», «умный публичный и частный сервис», «умный транспорт» и т. д.).

Важным в этом реализуемом крупномасштабном проекте является обеспечение: *во-первых*, целостности и устойчивости социальной системы в новых условиях цифровой трансформации общественных систем; *во-вторых*, адаптации процессов интенсивного развития сквозных цифровых технологий к традиционным социально-культурным процессам, что ориентирует технологическое и социально-экономическое «развитие с учётом китайской специфики и требований времени» [36]; *в-третьих*, гармонизации социокультурных и технологических оснований общественной системы, а также обеспечения их безопасности. При всей негативной критике данной системы, которая в основном представлена в англоязычных публикациях и аналитических записках, последняя представляет собой первый крупномасштабный опыт по гармонизации цифровой и социокультурной реальностей общественной жизнедеятельности, конвергенции инновационных и традиционных доминант развития общества.

Третье, *трансгуманистическое направление* рассматривает процессы цифровизации как переходный период к принципиально новой технологической реальности, в рамках которой социокультурные основания общества и сами традиционные общественные системы рассматриваются как исторический реликт, а социально-гуманитарные ценности трактуются в качестве устаревших нормативно-регулятивных оснований, которым нет больше места в цифровую эпоху [37]. Ключевыми доминантами развития становятся потребности и требования технологических систем, именно последние станут основаниями устойчивого развития новой цифровой реальности. Следовательно, «в долгосрочной эволюционной перспективе люди и всё, о чём они когда-то думали, станут всего лишь примитивной переходной формой, предшествующей более глубокому мышлению новой машиноориентированной культуры, простирающейся в отдалённое будущее» [38]. Ключевая из прогнозируемых перспектив развития – это формирование кардинально иной техно-цифровой цивилизации, «когда машины разовьют способность чувствовать, – а они это сделают, – то начнут по-дарвински конкурировать с нами за доступ к ресурсам, выживание и возможность к воспроизводству» [38]. При этом главное противостояние человека и цифро-роботизированных технологий завершается присоединением первого к системе искусственного интеллекта посредством оцифровки его сознания и «вгрузки» в искусственную цифровую среду¹.

¹ Здесь предполагается появление цифровых субъектов и цифровых копий, которые станут новым вызовом для упорядочивания и нормирования системы, что приведёт естественным образом к созданию принципиально новых нормативных систем (наподобие правовой системы в традиционной общественной организации). Например, Джордж Чёрч, специалист в генетике Гарвардской школы медицины, по этому поводу отмечает, что «если я скопирую свой мозг (или тело), получит ли он право голосовать или его следует считать дубликатом? Примем к сведению, что даже точные дубликаты личности с первых секунд существования начинают отличаться от оригинала, а кроме того, копия может содержать преднамеренно внесённые несоответствия» [38].

III. Цифровой транзит и цифровые элиты

Кроме того, ключевой проблематикой в рамках цифровизация властных отношений выступают процессы *формирования цифровой элиты*. С наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований. Поэтому формирование цифровой элиты является закономерным этапом, отвечающим современным условиям развития мировой цивилизации. Цифровое общество – это технократическое общество, в котором наиболее важным становятся не только собственность, деньги, но и обладание технологиями, умение их создавать, осуществлять с их помощью контроль за развитием экономики и общества.

В цифровом обществе чрезвычайно возрастает роль субъекта передачи и контроля информации, что даёт этому субъекту, по существу, огромную власть в мировом социуме и объективно способствует формированию новой правящей элиты. Это – цифровая элита, т. е. социальная страта, занимающая ключевое положение в сетевом сообществе, обладающая креативными способностями, контролирующая информационные потоки и банки данных, которая может использовать достижения современных информационных технологий для управления экономикой и обществом в своих целях.

Как соотносится цифровая элита с иными видами элит? Во-первых, она не будет носить региональный характер. Её влияние будет распространяться как минимум на национальный уровень, но во многом станет носить транснациональный характер. Во-вторых, современная транснациональная элита, которая стоит во главе транснациональных бизнес-сообществ и стремится создать наднациональные структуры экономической и политической власти, постепенно переходит на новые цифровые формы и методы управления, т. е. становится цифровой элитой.

По мнению некоторых исследователей, одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создаст условия для расширения правящей элиты за счёт включения в её состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Такие новые представители правящей элиты, как эксперты и менеджеры, получают более широкие возможности участия в государственном управлении [39].

Концепция возрастания роли управляющего менеджмента в экономике и государственном управлении появилась еще в 40-х гг. прошлого века. Впервые её сформулировал Джеймс Бэрнхем в 1941 г. в своей книге «Управленческая революция. Что происходит в мире» [40]. Его основная мысль заключалась в том, что капитализм постепенно трансформируется в менеджериальный строй, реальная власть в котором в экономике и политике сосредоточится в руках управленцев предприятий, а не их юридических собственников. Конечно, в цифровом обществе значение креативных работников, создающих новые технологии, значительно воз-

растает. В последние десятилетия в IT корпорациях появились такие фигуры, претендующие на то, чтобы их называть цифровыми элитами, как Эрик Шмидт, топ-менеджер Google, Джон Томпсон, топ-менеджер Microsoft, Аркадий Волож, один из основателей Yandex, и другие. Но они не являются основными владельцами своих компаний и не принимают главные решения по важнейшим вопросам их деятельности, а значит, не оказывают определяющее влияние на управление социально-экономическими процессами. Эти функции остаются у основных владельцев СМК, которые могут считаться или не считаться с мнением любого креативного эксперта, а при необходимости применять различные рычаги воздействия на него, даже могут его заменить.

Поэтому, на наш взгляд, под дефиницией «цифровые элиты» необходимо понимать прежде всего владельцев транснациональных IT компаний, которые господствуют на мировом IT пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. Отдельные представители креативных топ-менеджеров крупнейших мировых IT корпораций могут войти в состав формирующейся цифровой элиты. Однако её основу составят, прежде всего, хозяева этих корпораций. Кто эти люди? Это Ларри Пэйж, основатель Google, личное состояние которого составляет около 50 млрд долларов; Марк Цукерберг, основатель Facebook, состояние которого оценивалось в 62,3 млрд долларов; Ларри Эллисон, основатель компании Oracle, лидера в сфере разработки ПО, стоимость компании на 2019 г. оценивается почти в 190 млрд долларов, а личное состояние Ларри Эллисона в 62,5 млрд; Билл Гейтс, основатель Microsoft, состояние Билла Гейтса на сегодняшний день составляет 96,5 млрд долларов; наконец, это Джеф Безос, основатель Amazon, крупнейшего в мире онлайн-магазина книг. Личное же состояние Безоса оценивается в 131 млрд долларов. Amazon предлагает также услуги в сфере облачных технологий, производит бытовую электронику, снимает сериалы, занимается публицистической деятельностью [41]. По подсчётам экспертов The Wall Street Journal, совокупный доход пяти крупнейших IT-компаний мира (Apple, Microsoft, Alphabet, Amazon и Facebook), обусловленный массовым переходом людей на удалёнку и онлайн-покупками на фоне пандемии коронавируса, увеличился в 2020 г. до 1,1 трлн долл., совокупная выручка выросла на 20%, а прибыль за тот же период увеличилась на 24%. Общая рыночная капитализация пяти крупнейших IT-компаний за время пандемии и вовсе подскочила до 8 трлн долларов [42].

Современный анализ пользовательской активности в социальных сетях говорит о том, что интернет-пользователи в основном используют продукцию этих IT гигантов, что устанавливает их гегемонию и позволяет крупнейшим IT компаниям монопольно определять всю политику на информационном рынке. При этом особый интерес вызывает тот факт, что указанные выше формальные владельцы ведущих мировых IT гигантов не являются основными их собственниками. В действительно-

сти они принадлежат узкой группе собственников, имена которых порою не известны. Так, например, крупнейший американский инвестиционный фонд Vanguard Group сконцентрировал в своём портфеле крупные пакеты акций Amazon, Microsoft, Apple, Facebook, Google, Visa и др. Активы компании достигли отметки в 4,5 трлн долл. Под её контролем находятся 370 фондов по всему миру, при этом имена конечных бенефициаров этого фонда официально не разглашаются [43; 44; 45].

Всё это ставит серьёзную проблему формирования цифровой элиты, которая будет носить особый характер. Её высокий статус станет определяться не прежними критериями – достатком, образованностью, близостью к власти, а монополией на обладание основными ИТ ресурсами, технологиям и наличием опыта пользования и управления с их помощью экономикой и обществом. Эта цифровая нетократическая элита выходит из-под контроля граждан, т. к. ей никто не делегирует полномочия управлять на основе признаваемых в обществе процедур.

Россия имеет свои ИТ компании, такие как Mail.Ru Group, Cognitive Technologies (разработки систем искусственного интеллекта для беспилотного транспорта), Grabr (интернет-сервис любых доставок) и др. [46]. Но есть ли в современной России крупные ИТ корпорации, которые, кроме государства, контролируют или способны контролировать основные информационные потоки? Скорее всего, нет, ибо по своему информационно-техническому развитию Россия находится на более низком технологическом уровне, чем наиболее развитые страны мира, не имеет, например, отечественного интернета. Даже Яндекс, созданный российскими гражданами, с 2012 г., фактически, перешёл под иностранный контроль [47].

В современной России только формируются условия для появления отечественной цифровой элиты, способной обеспечить технологическое и политическое обновление страны в соответствии с вызовами глобально-информационного общества и способными конкурировать с транснациональными цифровыми элитами. В отличие от развитых западных стран, процесс становления в нашей стране цифрового общества находится в основном под контролем государства. В 2018 г. в России было создано Министерство цифрового развития, которое координирует деятельность всех субъектов государственной власти и общества в этом направлении. Выступая на Валдайском форуме в октябре 2020 г., Председатель Правительства Российской Федерации М. Мишустин определил цифровую трансформацию как базовое условие для прорывного развития страны [48].

В то же время в России начался эксперимент по передаче основных цифровых баз данных Сбер – одной из крупнейших российских государственных корпораций. В 2020 г. Сбер по конкурсу Минцифры РФ стал оператором единой цифровой платформы «Гостех», на которой будут представлены различные сервисы, такие как оформление аренды госимущества, постановка недвижимости на кадастровый учёт, выдача цифрового полиса обязательного медицинского страхования [49].

Таким образом, в процессе развития цифрового общества в России разворачивается борьба между международными ИТ гигантами и российскими государственными корпорациями за контроль над его формированием, а сама российская цифровая элита может вырасти, прежде всего, из современных российских правящих элит.

Выводы

В настоящем исследовании обосновывалось, что цифровизация предстаёт в качестве и целой серии процессов, которые разворачиваются в современной общественно-политической действительности, и траекторий цифровой трансформации властных отношений. Сам процесс цифровизации следует рассматривать как многоуровневую модель, которая включает:

- инструментальный уровень, т. е. смену аналоговых технологий на сквозные цифровые инструменты;

- институционально-нормативный уровень, в рамках которого, с одной стороны, происходит формирование, развитие и становление нового институционального каркаса общественно-политического порядка, а с другой – протекают изменения нормативных оснований общественно-политического порядка, инициированные возникновением новых форм и видов отношений. Ключевыми общественно-политическими проектами являются: сервисная парадигма, доктрина платформенных решений, цифровой этатизм;

- уровень цифровых кодов и алгоритмических решений (последние выступают основополагающим каркасом, на котором осуществляется машинное обучение), реализуется внедрение цифровых технологий в общественную жизнедеятельность, выстраивается взаимодействие в киберпространстве, кодируются параметры и характер виртуальной коммуникации и т. д. В данном измерении процессы цифровизации общественно-политических институтов условно следует разделить на три основных направления: технологическое, конвергационное и трансгуманистическое.

Кроме того, ключевым трендом трансформации общественно-политической организации и властных отношений, по мнению авторов, сегодня выступает формирование цифровых властных элит, поскольку с наступлением цифровой эпохи появился запрос на смену правящей элиты, которая бы соответствовала требованиям нового времени, стала бы драйвером цифровых преобразований. Поэтому формирование цифровой элиты является закономерным этапом, отвечающим современным условиям развития мировой цивилизации. Под цифровыми элитами следует понимать сегодня владельцев транснациональных ИТ компаний, которые господствуют на мировом ИТ пространстве и стремятся на основе новейших цифровых технологий создать систему глобального управления. В процессе развития цифрового общества разворачивается острая борьба между международными ИТ гигантами и государственными корпорациями за контроль над его формированием.

Список источников

1. Шваб К., Маллере Т. COVID-19: Великая перезагрузка. Женева : Форум Издательство, 2020. Всемирный экономический форум. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf>.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция. Москва : ЭКСМО, 2016. 288 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения : в 3-х т. Т. 3. Москва : Политиздат, 1986. 639 с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Глава IX. Варварство и цивилизация.
4. Урри Дж. Как выглядит будущее. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 320 с.
5. Трансгуманизм: цифровой левиафан и голем-цивилизация. Москва : Книжный мир, 2021. 320 с.
6. Брайдотти Р. Постчеловек. Москва : Издательство Института Гайдара, 2021. 408 с.
7. Ахременко А. С., Петров А. П., Жеглов С. А. Как информационно-коммуникативные технологии меняют тренды в моделировании политических процессов // Политическая наука. 2021. № 1. С. 12–45.
8. Харман Г. Объектно-ориентированная онтология: новая «теория всего». Москва : Ад Маргинем Пресс, 2021. 272 с.
9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальные науки. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2015. 352 с.
10. Реймонд М. Исследование трендов. Практическое руководство. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2020. 240 с.
11. Стивенс-Давидовиц С. Все лгут. Поисковики, Big Data и Интернет знают о вас все. Москва : ЭКСМО, 2020. 480 с.
12. Исаев И. А. «Машина власти» в виртуальном пространстве (формирование образа) : монография. Москва : Прогресс, 2021. 384 с.
13. Шамаю Г. Теория дрона. Москва : Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2020. 280 с.
14. Федорченко С. Н. Феномен искусственного интеллекта: гражданин между цифровым аватаром и политическим интерфейсом // Журнал политических исследований. 2020. № 2. С. 34–57.
15. Androusoyopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots // Government Information Quarterly. 2019. Vol. 36, iss. 2. P. 358–367.
16. Ахмедов Р. М. Digital religion и традиционные религиозные ценности. Особенности соотношения (по материалам электронных ресурсов) : монография. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 167 с.

17. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. Москва : Издательство Московского университета; Проспект, 2015. 272 с.

18. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. Москва : Российская академия наук; институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ ; ИНФРА-М, 2020. 176 с.

19. Перзановский А., Шульц Дж. Конец владения: личная собственность в цифровой экономике. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 352 с.

20. Кутырев В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. 260 с.

21. «Эра электронной демократии»: как устроено онлайн-голосование. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071>.

22. Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 500 с.

23. Коллон М. Некоторые элементы социологии перевода: приучение морских гребешков и рыболовов бухты Сен-Бриё // Логос. 2017. № 2 (117). С. 49–94.

24. Мамычев А. Ю., Ким А. А., Фролова Е. Е. «Будущее» как аттрактор современных политико-правовых и социально-экономических трансформаций: обзор основных проблем и подходов // *Advances in Law studies*. 2020. Vol. 8, s. 5. p. 3–17.

25. Концепция цифрового правительства как политический проект для России: перспективы реализации в условиях вызовов и рисков цифровизации общества. Экспертный круглый стол на факультете политологии МГУ / А. П. Кочетков, И. А. Василенко, С. В. Володенков, К. С. Гаджиев, В. И. Коваленко, А. И. Соловьев, Е. Г. Кирсанова // *Власть*. 2018. № 1. С. 317–331.

26. Баранов П. П., Мамычев А. Ю. Цифровая трансформация права и политических отношений: основные тренды и ориентиры // *Балтийский гуманитарный журнал*. 2020. № 1 (30). С. 357–361.

27. Фрейд З. Неудобство культуры. URL: https://librebook.me/civilization_and_its_discontents/vol1/1.

28. Мазин В. Машина влияния. Москва : Издательство института Гайдара, 2018. 256 с.

29. Срничек Н. Капитализм платформ. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

30. Чжао Хунжуй. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности. Москва ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. 304 с.

31. Цифровой суверенитет современного государства в условиях технологической трансформации: содержание и особенности / С. В. Володенков, А. С. Воронов, Л. С. Леонтьева, М. Сухарева // *Полилог = Polylogos*. 2021. Т. 5, № 1. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/357578773/>.

32. Теория правового регулирования искусственного интеллекта и объектов робототехники в Российской Федерации : монография / под ред. Г. Ф. Ручкиной. Москва : Прометей, 2020. 296 с.
33. Братко А. Г. Искусственный разум, правовая система и функции государства: монография. Москва : ИНФРА-М, 2021. 282 с.
34. Уолш Т. 2062: время машин. Москва : Издательство АСТ, 2019. 320 с.
35. State Council Notice concerning issuance of the planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020). URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>.
36. Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm.
37. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. Москва : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 424 с.
38. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. Москва : Альпина-Нон-фикшн, 2017. 552 с.
39. Чапурко Т. М., Волошин И. И., Чапурко Я. Я. Зарождение «цифровой элиты» в процессе модернизации России // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки. 2018. № 1. С. 144–151.
40. Burnham J. The Managerial Revolution. What is happening in the world. New York : Day, Cop., 1941. 285 p.
41. 5 самых богатых IT-предпринимателей мира. URL: <https://zen.yandex.ru/media/coffeeipi/5-samyh-bogatyh-itpredprinimatelei-mira-5d1a045335d3d600ad5d13c2>.
42. Доходы пяти крупнейших IT-компаний мира выросли до \$1,1 трлн на фоне пандемии. URL: <https://secretmag.ru/news/dokhody-pyati-krupneishikh-it-kompanii-mira-vyrosli-do-usd1-1-trln-na-fone-pandemii.htm>.
43. Катасонов В. Кто в Америке хозяин – президент или компании Силиконовой долины? URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/07/kto-v-amerike-hozjain-prezident-ili-kompanii-silikonovoj-doliny-51566.html>.
44. Кошельник Д. От одного из первых индексных фондов до компании с активами в триллионы долларов. URL: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story>.
45. Теневые хозяева Google, Microsoft, Facebook, Apple ... Кому служат мировые IT-гиганты? URL: <http://xn----8sbeyxgbych3e.ru-an.info/>.
46. Знай своих миллиардеров. Российские IT гиганты, которых Вы, скорей всего, не замечали за «Яндексом» и «Mail.ru». URL: <https://life.ru/p/1331826>.
47. Оппенгеймеры самые большие владельцы Yandex. URL: <https://panzer038.livejournal.com/1009495.html>.
48. Михаил Мишустин принял участие в работе специальной сессии XVII Ежегодного заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://government.ru/news/40649/>.

49. «Сбер» выиграл конкурс Минцифры по определению оператора «Гостеха». URL: https://finance.rambler.ru/money/45396750/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

Информация об авторах

А. П. Кочетков – доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

А. Ю. Мамычев – доктор политических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного федерального университета.

А. Ю. Мордовцев – доктор юридических наук, профессор; профессор кафедры теории и истории права и государства Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия; профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

References

1. Schwab K., Mallere T. *COVID-19: The Great Reset*. Geneva: Forum Publishing House, 2020. World Economic Forum. URL: <https://pravda.red/download/covid-19-velikaya-perezagruzka.pdf>. (In Russian).
2. Schwab K. *The fourth industrial revolution*. Moscow: EKSMO, 2016. 288 p. (In Russian).
3. Marx K., Engels F. *Selected works: in 3 volumes*. Vol. 3. Moscow: Politizdat, 1986. 639 p. The origin of the family, private property and the state. Chapter IX. Barbarism and civilization. (In Russian).
4. Urri J. *What the future looks like*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPА, 2018. 320 p. (In Russian).
5. *Transhumanism: digital leviathan and golem civilization*. Moscow: Knizhny Mir, 2021. 320 p. (In Russian).
6. Bridotti R. *Posthuman*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2021. 408 p. (In Russian).
7. Akhremenko A. S., Petrov A. P., Zheglov S. A. How information and communication technologies change trends in modeling political processes. *Politicheskaya nauka*, 2021, no. 1, pp. 12–45. (In Russian).
8. Harman G. *Object-oriented ontology: a new "theory of everything"*. Moscow: Ad Marginem Press, 2021. 272 p. (In Russian).

9. Lo J. *After the method: disorder and the social sciences*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2015. 352 p. (In Russian).
10. Raymond M. *Trend research. Practical guide*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2020. 240 p. (In Russian).
11. Stevens-Davidovitz S. *Everyone lies. Search engines, Big Data and the Internet know everything about you*. Moscow: EKSMO, 2020. 480 p. (In Russian).
12. Isaev I. A. *"Machine of power" in the virtual space (image formation): monograph*. Moscow: Progress, 2021. 384 p. (In Russian).
13. Shamayu G. *Drone theory*. Moscow: Ad Marginem Press, Garage Museum of Contemporary Art, 2020. 280 p. (In Russian).
14. Fedorchenko S. N. The phenomenon of artificial intelligence: a citizen between a digital avatar and a political interface. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, 2020, no. 2, pp. 34–57. (In Russian).
15. Androutsopoulou A., Karacapilidis N., Loukis E., Charalabidis Y. Transforming the communication between citizens and government through AI-guided chatbots. *Government Information Quarterly*, 2019, vol. 36, iss. 2, pp. 358–367.
16. Akhmedov R. M. *Digital religion and traditional religious values. Peculiarities of correlation (according to materials of electronic resources): monograph*. Moscow: UNITI-DANA, 2021. 167 p. (In Russian).
17. Volodenkov S. V. *Internet communications in the global space of modern political management*. Moscow: Moscow University Press; Prospect, 2015. 272 p. (In Russian).
18. Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N. *The future of law. The legacy of Academician V. S. Stepin and legal science*. Moscow: Russian Academy of Sciences; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; IN-FRA-M, 2020. 176 p. (In Russian).
19. Perzanovsky A., Schultz J. *End of ownership: personal property in the digital economy*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPa, 2019. 352 p. (In Russian).
20. Kutyrev V. A., Slyusarev V. V., Khusyainov T. M. *Mankind and Technos: philosophy of co-evolution*. St. Petersburg: Aleteyya, 2020. 260 p. (In Russian).
21. *"Era of e-democracy": how online voting works*. URL: <https://www.ridus.ru/news/336071>. (In Russian).
22. Latour B. *Reassembly of the social. Introduction to actor-network theory*. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 500 p. (In Russian).
23. Collon M. Some elements of the sociology of translation: the habituation of scallops and fishermen of the bay of Saint-Brieuc. *Logos*, 2017, no. 2 (117), pp. 49–94. (In Russian).
24. Mamychev A. Yu., Kim A. A., Frolova E. E. "Future" as an attractor of modern political, legal and socio-economic transformations: a review of the main problems and approaches. *Advances in Law studies*, 2020, vol. 8, s. 5, pp. 3–17. (In Russian).

25. The concept of digital government as a political project for Russia: prospects for implementation in the face of challenges and risks of digitalization of society. Expert round table at the Faculty of Political Science of Moscow State University / A. P. Kochetkov, I. A. Vasilenko, S. V. Volodenkov, K. S. Gadzhiev, V. I. Kovalenko, A. I. Soloviev, E. G. Kirsanova. *Vlast'*, 2018, No. 1, pp. 317–331. (In Russian).

26. Baranov P. P., Mamychyev A. Yu. Digital transformation of law and political relations: main trends and guidelines. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal*, 2020, no. 1 (30), pp. 357–361. (In Russian).

27. Freud Z. *The inconvenience of culture*. URL: https://librebook.me/civilization_and_its_discontents/vol1/1 (In Russian).

28. Mazin V. *The machine of influence*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2018. 256 p. (In Russian).

29. Srnicek N. *Platform capitalism*. Moscow: Ed. house of the Higher School of Economics, 2019. 128 p. (In Russian).

30. Zhao Hongrui. *Cyberspace and sovereignty. An introduction to cybersecurity legislation*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020. 304 p. (In Russian).

31. Volodenkov S. V., Voronov A. S., Leontieva L. S., Sukhareva M. Digital sovereignty of the modern state in the context of technological transformation: content and features. *Polylog*, 2021, vol. 5, no. 1. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/3575787773/>. (In Russian).

32. *The theory of legal regulation of artificial intelligence and robotics objects in the Russian Federation*: monograph / ed. G. F. Ruchkina. Moscow: Prometheus, 2020. 296 p. (In Russian).

33. Bratko A. G. *Artificial intelligence, legal system and functions of the state: monograph*. Moscow: INFRA-M, 2021. 282 p. (In Russian).

34. Walsh T. *2062: time of machines*. Moscow: AST Publishing House, 2019. 320 p. (In Russian).

35. *State Council Notice concerning issue of the planning outline for the construction of a social credit system (2014–2020)*. URL: <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2014/06/14/planning-outline-for-the-construction-of-a-social-credit-system-2014-2020/>.

36. *Full text of the report delivered by Xi Jinping at the 19th CPC Congress*. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm. (In Russian).

37. Greenfield A. *Radical technologies: the device of everyday life*. Moscow: Delo Publishing House, RANEPА, 2018. 424 p. (In Russian).

38. Brockman J. *What do we think about machines that think: The world's leading scientists on artificial intelligence*. Moscow: Alpina-Non-fikshin, 2017. 552 p. (In Russian).

39. Chapurko T. M., Voloshin I. I., Chapurko Ya. Ya. The emergence of the “digital elite” in the process of modernization of Russia. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*, 2018, no. 1, pp. 144–151. (In Russian).

40. Burnham J. *The Managerial Revolution. What is happening in the world.* New York: Day, Cop., 1941. 285 p.

41. *5 richest IT entrepreneurs in the world.* URL: <https://zen.yandex.ru/media/coffeepiu/5-samyh-bogatyh-itpredprinimatelei-mira-5d1a045335d3d600ad5d13c2>. (In Russian).

42. *Revenues of the five largest IT companies in the world grew to \$1.1 trillion. against the backdrop of a pandemic.* URL: <https://secretmag.ru/news/dokhody-pyati-krupneishikh-it-kompanii-mira-vyrosli-do-usd1-1-trln-na-fone-pandemii.htm>. (In Russian).

43. Katasonov V. *Who is the boss in America - the president or the Silicon Valley companies?* URL: <https://www.fondsk.ru/news/2020/08/07/kto-v-amerike-hozjain-prezident-ili-kompanii-silikonovoj-doliny-51566.html>. (In Russian).

44. Wallet D. *From Early ETF to Trillion Dollar Asset Company.* URL: <https://vc.ru/story/25085-vanguard-group-story>. (In Russian).

45. *Shadow masters of Google, Microsoft, Facebook, Apple... Whom do the world's IT giants serve?* URL: <http://xn----8sbeyxgbych3e.ru-an.info/>. (In Russian).

46. *Know your billionaires. Russian IT giants that you most likely did not notice behind Yandex and Mail.ru.* URL: <https://life.ru/p/1331826>. (In Russian).

47. *Oppenheimers are the biggest owners of Yandex.* URL: <https://panzer038.livejournal.com/1009495.html>. (In Russian).

48. *Mikhail Mishustin took part in the work of the special session of the XVII Annual Meeting of the Valdai Discussion Club.* URL: <http://government.ru/news/40649/>. (In Russian).

49. *Sberbank won the competition of the Ministry of Digital Transformation to determine the Gostekh operator.* URL: https://finance.rambler.ru/money/45396750/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. (In Russian).

Information about the authors

A. P. Kochetkov – Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

A. Yu. Mamychev – Doctor of Political Sciences, Candidate of Law, Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Far Eastern Federal University.

A. Yu. Mordovtsev – Doctor of Law, Professor; Professor of the Department of Theory and History of Law and State of the Rostov Branch of the Russian State University of Justice, Rostov-on-Don, Russia; Professor of the Department of Theory and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service.